Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 3. С. 63–73.
Ojkumena. Regional Researches. 2024. No. 3. P. 63–73.

Научная статья
УДК 947:070(73)=82"1948/1991"
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/63-73

Образ советской молодёжи в русской эмигрантской прессе в США (конец 1940-х – 1991 гг.)

Татьяна Сергеевна Кулепанова (Шугайло)
АНО "Приморский культурно-исторический центр" (Исторический парк "Россия – Моя история"),
Владивосток, Россия, randy-t@rambler.ru
Елена Николаевна Чернолуцкая
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, chvalery@mail.ru

Аннотация. Авторы статьи проанализировали, как менялось восприятие в среде русской диаспоры в США советской молодёжи в контексте представлений о Советском Союзе в период конца 1940-х – 1991 гг. Источниковую базу исследования составили публикации крупных русскоязычных изданий в США разной политической окраски. В целом журналисты эмиграции воспринимали советскую молодёжь искаженно, не отражая многие внутренние процессы, переживаемые социумом СССР. Антикоммунистические издания отводили молодому поколению важную роль в деле свержения режима большевиков. Иных взглядов придерживались в период "холодной войны" авторы просоветской газеты "Русский голос".
Ключевые слова: *русская эмиграция, русская эмигрантская пресса, США, СССР, советское общество, молодёжь, холодная война, имагология, оппозиция "свой – чужой"*
Для цитирования: Кулепанова (Шугайло) Т. С., Чернолуцкая Е. Н. Образ советской молодёжи в русской эмигрантской прессе в США (конец 1940-х – 1991 гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 3. С. 63–73. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/63-73

Original article
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/63-73

The image of Soviet youth in the Russian emigrant press in the USA (late 1940s – 1991)

Tatyana S. Kulepanova (Shugaylo)
Autonomous non-commercial organization "Primorsky Cultural and Historical Center"
(Historical Park "Russia – My History"), Vladivostok, Russia, randy-t@rambler.ru
Elena N. Chernolutskaia
Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East,
Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, chvalery@mail.ru

Abstract. The authors of the article analyzed how changed the perception of Soviet youth in the Russian diaspora in the United States in the context of perceptions of the Soviet Union in the late 1940s –1991. The source base of the study was made up of publications of major Russian-language press in the United States of different political colors. In general, emigration journalists perceived the Soviet youth in a distorted way, not reflecting many internal processes experienced by the USSR society. Anti-Communist press assigned the young generation an important role in overthrowing the Bolshevik regime. The authors of the pro-Soviet newspaper "Russian Voice" held different views during the Cold War.
Key words: *Russian emigration, the Russian emigrant press, the United States, the USSR, Soviet society, the youth, Cold War, imagology, opposition "own – strange"*
For citation: Kulepanova (Shugaylo) T. S., Chernolutskaia E. N. The image of Soviet youth in the Russian emigrant press in the USA (late 1940s – 1991) // Ojkumena. Regional Researches. 2024. No. 3. P. 63–73. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/63-73

В настоящее время в условиях сложной геополитической обстановки и острого противостояния России и Запада высокую актуальность приобретают проблемы внешнего восприятия нашей страны в историческом и глобальном контекстах. Одним из факторов влияния на этот процесс выступает Русское зарубежье. Его представители конструировали свой образ России, во многом отличавшийся от нарративов западной пропаганды, и транслировали его на страницах периодических изданий. Наиболее насыщенным периодом в плане осмысления покинутого Отечества являлась вторая половина XX в., когда советское государство прошло через послевоенное восстановление, подъём, кризис и, наконец, крах. Размышляя о судьбе России, эмигранты немало внимания уделяли роли молодого поколения. Категория "молодёжь" в науке и публицистике имеет множественные подходы. Один из них рассматривает её как мобилизационный ресурс общества, который определяет будущее государства **[17]**. В эмигрантских изданиях прослеживается именно такая направленность осмысления советской молодёжи.

Данная область не получила широкого внимания исследователей. Д.С. Козлов и А.В. Антошин раскрывают восприятие в Русском зарубежье советского юношества в середине 1940-х – 1960-е гг. на примере публицисти-

© Кулепанова (Шугайло) Т. С., Чернолуцкая Е. Н., 2024

ки в ФРГ **[23]** и позиций разных политических сил эмиграции **[4]**. Однако в историографии не представлено специальных трудов по данной проблематике применительно к крупной русской диаспоре, которая сложилась в США во второй половине XX в.

Тема развития эмигрантской прессы в США в XX в., её значения для консолидации творческих и политических сил соотечественников за рубежом, влияния на формирование общественного мнения проходит красной нитью в большинстве исследований, посвящённых истории русской диаспоры в целом **[4; 19; 30; 40 и др.]**, но как самостоятельный предмет анализа редко затрагивается в историографии. Основные особенности и тенденции становления русскоязычной журналистики в США в 1920-е – 1970-е гг. раскрыты в работе одного из авторов представленной статьи **[43]**. Но проблема нуждается в дальнейшем изучении, как в плане расширения хронологии, так и тематического поля, характерного для изданий в разные периоды их деятельности.

Цель статьи – показать формирование публицистического дискурса о советской молодёжи в русскоязычной прессе в США в контексте общих представлений о Советском Союзе в конце 1940-х – 1991 гг.

Авторы исследования обращались к крупным русским эмигрантским изданиям из собраний Государственного архива Российской Федерации, Российской государственной библиотеки, Дома русского зарубежья им. А.И. Солженицына (г. Москва), Государственного объединенного музея-заповедника истории Дальнего Востока им. В.К. Арсеньева (г. Владивосток), частных коллекций. Был рассмотрен максимально возможный массив эмигрантской печати. Однако она представлена в фондохранилищах далеко не полными комплектами, с различным числом лакун и разной степенью сохранности. Тем не менее, в итоге удалось выявить и проанализировать обширный пласт публикаций (выборка составила более 40 материалов) разных жанров, в которых значительное внимание уделялось советской молодежи. Наиболее характерные и яркие из них процитированы в данной статье.

Исследование опирается на материалы СМИ разной политической окраски. Идеи консервативного лагеря диаспоры отражали монархические газеты "Россия" (начало издания – 1933 г., Нью-Йорк) и "Вестник правды" (1964 г., Сан-Франциско), журналы "Согласие" (1951 г., Лос-Анджелес) и "Кадетская перекличка" (1971 г., Нью-Йорк). Известные либеральные публицисты сотрудничали с "Новым журналом" (1942 г., Нью-Йорк) и газетой "Новое русское слово" (1910 г., Нью-Йорк). Газета "Русская жизнь" (1921 г., Сан-Франциско) тяготела к консервативной идеологии. Журнал "Социалистический вестник" (1921 г., Берлин, Париж, Нью-Йорк) объединял меньшевиков, а коммунистическая газета "Русский голос" (1907 г., Нью-Йорк) – просоветски настроенных эмигрантов. Газеты "Новый американец" (1980 г., Нью-Йорк) и "Панорама" (1980 г., Лос-Анджелес) были созданы журналистами и писателями, покинувшими СССР в 1970-е – 1980-е гг.

Формирование образа советской страны и её молодого поколения в обширной среде Русского зарубежья не могло быть однозначным. Эмигрантское сообщество в США формировалось из разных групп и волн прибытия, имело широкий спектр политических взглядов и мировоззренческих оснований. Диаспора, первоначально включавшая выходцев из России имперского и послереволюционного периодов, во второй половине XX в. пополнилась соотечественниками, проживавшими после 1917 г. в Европе и Азии, а также новыми потоками – военнопленными, "остарбайтерами", участниками антисоветских формирований времен Второй мировой войны **[38]**. В конце 1960-х – середине 1980-х гг. вместе со следующей волной эмиграции из СССР прибыли многие представители творческой интеллигенции и диссидентского движения **[30, с. 178, 256]**. Общая численность русских в США к концу 1980-х гг. составляла не менее 1 млн чел. **[22, с. 31]**.

Со своей стороны, объект их восприятия также представлял собой многочисленную, многослойную и трансформирующуюся группу общества. Согласно переписям 1959 и 1989 гг., в Советском Союзе возрастные когорты от 15 до 29 лет насчитывали соответственно 55 млн и 66 млн чел., что составляло 26,3 и 23,1% от общей численности населения. За прошедшие после войны четыре с половиной десятилетия менялись модели поведения и умонастроения молодёжи, уровень образованности и профессиональной подготовки. В

эти годы в СССР было введено всеобщее среднее образование, значительно расширилась сеть вузов, техникумов, ПТУ. Если в 1959 г. высшее образование имели только 2,7% населения в возрасте 20–29 лет, общее среднее – 9,6%, не имели даже начального образования 8,5%, то в 1989 г. эти группы составляли соответственно 10,5%, 50,2% и 0,4% (подсчитано по: Всесоюзная перепись… 1959; 1989) **[10]**. Это были поколения, неоднородные по своим убеждениям, трудовой и общественной активности, где, как и во всем советском обществе, соседствовали патриотизм, энтузиазм и общественная апатия, недовольство условиями жизни, асоциальные явления. Реалиями жизни юношества были массовое членство в рядах ВЛКСМ, представительство в КПСС, работа на "молодёжных стройках", активное участие в спорте, художественных кружках и т.д. В то же время шло влияние неофициальной идеологии, музыки, моды и т.п. (в том числе приходивших из-за рубежа), создавались неформальные объединения, имели место и криминальные отношения. Тем не менее, в молодёжной среде не возникало серьёзной оппозиции власти, способной организованно выступить и свергнуть её. Молодёжь по духу оставалась советской, что раскрыто как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях **[13; 18; 21, с. 140–151, с. 199, 202; 41, с. 44].**

В каком же образе эта группа советского населения представала в эмигрантской прессе?

В период "холодной войны" настроения в диаспоре были созвучны антикоммунистической волне, накрывшей американское общество. Большинство послевоенных деятелей Русского зарубежья негативно воспринимало коммунистическую власть и социалистическую действительность, что ярко отражалось на страницах периодики. Во второй половине 1940-х гг. появились публикации, в которых авторы связывали свои надежды на перемены в СССР с молодыми фронтовиками, повидавшими страны Европы, и, как предполагали журналисты, готовыми привнести некоторый духовный сдвиг в советскую жизнь **[6, с. 172]**.

Вместе с тем в конце 1940-х – начале 1950-х гг., когда в эмигрантских изданиях нарастала критика советского строя в духе "холодной войны", о молодёжи часто высказывались негативные мнения. Так, повторяя стереотип о том, что население в СССР под воздействием внутренней политики и коммунистической идеологии лишилось инициативности и способности самостоятельно мыслить, журналисты, в том числе указывали на студенчество, "заменившее собственные суждения цитатами партийцев" **[31].**

С середины 1950-х гг. под влиянием изменений, произошедших в СССР после смерти И.В. Сталина и прихода к власти Н.С. Хрущева, в среде эмиграции интерес к советскому обществу и, особенно к молодому поколению, несколько усилился. Антикоммунисты скептически отнеслись к "секретному" докладу нового советского лидера на XX съезде КПСС с развенчанием культа Сталина, а также выдвинутому лозунгу о мирном сосуществовании с Западом. Но начавшиеся в СССР процессы либерализации породили в сердцах эмигрантов надежды на возможные более радикальные перемены. Журналистка Е.Д. Кускова цитировала письма эмигрантов, побывавших на родине и заметивших снижение общего тревожного фона, уменьшение "сталинского страха" репрессий в обществе. С надеждой авторы писем рассказывали о молодёжи СССР, способной, по их мнению, ликвидировать большевизм и в целом изменить политический строй в стране **[27]**.

На позиции публицистов повлияло также изменение тактики Запада в отношении социалистической державы. Если с началом "холодной войны", сопровождавшейся ростом интереса государственных структур и спецслужб США к антикоммунистическому фронту эмиграции многие деятели Русского зарубежья надеялись на уничтожение коммунизма силами населения СССР в союзе с западным миром, то позже они отказались от этой идеи, поскольку американские политики выбрали курс на национальное раздробление Советского Союза **[35, с. 44]**. В этот период ряд представителей русской эмиграции в США, особенно консервативной её части, приходил к выводу, что помощи со стороны Запада, не заинтересованного в появлении сильной России, ждать не придется, и русский народ освободится от советской власти самостоятельно. В этом контексте молодёжь стала восприниматься как потенциальный объект

пропагандистского влияния, важная движущая сила общества, способная вызвать в стране общественно-политические изменения.

Несомненным фактором таких трансформаций восприятия стала и активизация молодёжной политики в СССР, где партийное руководство делало ставку на юношество как будущего строителя коммунизма и его активное привлечение к решению важных народно-хозяйственных задач **[13, с. 25–26]**. Материалы на эту тему, регулярно публиковавшиеся в советских СМИ, доходили до эмигрантской среды **[23, с. 57–60]**. Русскоязычная пресса в США отмечала, что молодёжь в СССР действительно является одной из движущих сил экономики, будучи задействованной в таких крупных проектах, как освоение целинных земель в Казахстане, строительство промышленных объектов в Сибири и др. **[33]**.

В 1950-е гг. наряду с хождением стереотипа о неспособности молодых советских граждан к самостоятельному мышлению, в СМИ эмиграции появилась тенденция к конструированию позитивного, идеализированного образа этого поколения. Один из авторов газеты "Россия" утверждал, что в СССР молодёжь давно культурно и духовно переросла своих воспитателей, а некоторый рост интереса в среде советского юношества к православию считал началом духовного возрождения **[12]**.

Создавая образ России/СССР, публицисты опирались на дихотомию "свой–другой/чужой", противопоставляя категории "русский народ" и "советская власть", "Россия" и "СССР". Авторы воспроизводили взгляды, сложившиеся в Русском зарубежье еще в 1920-е гг., об антагонизме "коммунистической власти" и "русского народа", о его грядущем восстании. С 1950-х гг. журналисты разной политической ориентации наделяли советскую молодёжь революционным потенциалом, учитывая исторический опыт имперской России, где студенты и в целом молодёжь проявляли высокую активность в выступлениях против режима. По мнению социал-демократов, эти бунтарские качества были не чужды и советским молодым людям, "отрицавшим тоталитарный коммунизм" и предпочитавшим демократический путь к социализму. "Социалистический вестник" видел потенциал антисоветских настроений в слоях студенчества, молодых фронтовиков, бывших политических заключенных и даже среди "золотой молодёжи" – детей верхушки номенклатуры **[1]**.

Значительно отличалась от остальных изданий газета "Русский голос", занимавшая просоветские позиции. Она не признавала наличия антикоммунистических настроений в СССР, опровергала прогнозы правой эмиграции о возможном народном восстании и свержении большевиков, считая, что в советском государстве, которым руководили трудящиеся, не могло быть никакого переворота. С конца 1940-х гг. и на протяжении многих лет издание публиковало статьи о пионерской организации и ВЛКСМ, их роли в воспитании у молодёжи разносторонних интересов, чувств патриотизма и ответственности. Советское юношество противопоставлялось западной молодёжи, "не имевшей идеологического стержня и презиравшей труд". Газета писала о социальном и нравственном кризисе, охватившем буржуазное общество, ахиллесовой пятой которого являлось "потерянное" молодое поколение **[26; 28].**

Во второй половине 1960-х–1970-х гг. представления русской эмиграции о советской молодёжи трансформировались. В данный период, когда уходили из жизни многие послереволюционные эмигранты, в русской диаспоре назрела проблема передачи политического, культурного и духовного наследия следующему поколению. Именно тогда возникло более пристальное внимание не только к юношеству русской эмиграции, но и к советской молодёжи как к перспективной прослойке общества для пропагандистского влияния. В большинстве русскоязычных изданий в США в этот период оформился исключительно идеализированный образ молодого поколения СССР, выступавший прогрессивным символом будущей постсоветской России. Журналисты разных политических лагерей продолжали воспринимать коммунистическую власть как некого "другого/чужого", но о молодёжи в СССР говорили, как о "своей", "родной", "русской".

Период правления Л.И. Брежнева авторы эмиграции оценивали как время усиления контроля над обществом, идеологического давления, все чаще говорили о кризисе "изжившей себя политической системы", опиравшейся на "заслуженных геронтократов". Критикуя коммунистический строй,

пресса повторяла стереотипы о том, что руководство СССР лишило население страны способности самостоятельно мыслить и проявлять личную инициативу. Но, в отличие от периода 1950-х гг., в этих негативных оценках советская молодёжь не затрагивалась. Напротив, в данный период эмигрантские издания наблюдали в ней определенную мировоззренческую эволюцию в сторону свободомыслия и независимости. "Сейчас в СССР вступает в жизнь четвёртое поколение со времени "октября", – рассуждал публицист журнала "Согласие" – Ему осточертел советский мусор, партийные лозунги, любимая партия, вожди… Стиляги, увлеченные джазом, твистом, конечно, уродливости, но даже это все же протест против уродливой советской казенщины. Эта мутная пена – косвенное доказательство того, что в глубине идет процесс серьёзный, поиски того, чем строилась Россия тысячу лет" **[5, с. 47]**.

Внимание к советскому юношеству продолжало расти в начале 1980-х гг., когда в СССР стали отчетливо проявляться признаки торможения в темпах экономического развития и внутренние кризисные явления. На страницах прессы советское юношество выступало в образе особой формации людей, не причастных к революции и сталинским репрессиям, "не знающих страха своих отцов" и поэтому более активных в политическом отношении **(ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 41. Кат. 8. Кадр 211)**[1].

Журналисты рассуждали: "…Есть надежда на то, что нарастает новая культурная волна, справиться с которой власти, по-видимому, будут не в состоянии. Люди, и в особенности молодёжь – первое поколение, в крови которого не осталось страха перед сталинским террором, – начинают самостоятельно размышлять и пытаются осмыслить крупицы новых идей, с которыми им приходится сталкиваться" **[32]**.

Журналы и газеты неоднократно высказывались о ментальной и духовной близости советской молодёжи с представителями Русского зарубежья. Консервативные издания с удовлетворением отмечали возросший в СССР интерес к дореволюционному прошлому Родины, "национальным истокам". Идеализируя мир императорской России, с одной стороны, и молодое поколение в СССР – с другой, они приходили к заключению, что "идейно близкая, родная" советская молодёжь относится к монархическому строю положительно и может предпочесть его в будущем. "Под влиянием чтения исторических романов, – писал Г. Бережецкий в газете "Вестник правды", – при распространении исторических фильмов невольно создается подсознательная монархическая идеология. Никто из молодёжи не говорит о русском прошлом с чувством вражды к царям, но при этом никто не преклоняется перед современным политическим режимом европейских или американских республик... Можно с уверенностью сказать, что будущее принадлежит народной монархии с народным царем" **(ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 41. Кат. 8. Кадр 211)**.

Некоторые авторы возлагали надежды на распространение монархических взглядов среди детей партийной элиты. По мнению журналиста А. Ростова, большая их часть, негативно воспринимая советский режим, в попытках заполнить образовавшийся идеологический вакуум, активно интересовалась существовавшей в дореволюционной России формой правления **[34]**.

Не менее позитивные отклики у авторов вызывала информация о том, что молодые люди в СССР стали интересоваться "подлинной", скрываемой властью историей Гражданской войны, которая интерпретировалась с позиции Белого движения. Газета "Русская жизнь" в 1984 г. опубликовала письмо молодого москвича, эмигрировавшего на Запад, с признанием гордости за "героическое белое офицерство" и сожалением о том, что оно в свое время не победило в России. По словам юноши, эти чувства разделяли многие его сверстники. Письмо вызвало эмоциональные отклики среди разных поколений эмигрантов, делавших вывод о происходившем в стране возрождении духовных сил русского народа, который сможет избавиться от коммунистического господства **[24].**

Подвижки в представлениях о советском обществе происходили под влиянием еще одного фактора – движения диссидентов. Их деятельность давала почву антикоммунистическим эмигрантским СМИ для выводов о развитии самостоятельности мышления, повышении уровня правосознания населения

[1] ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

в СССР, росте народной оппозиции. Так, авторы газеты "Россия" даже писали о том, что лучшие представители советской молодёжи находились в авангарде движения борьбы за права человека **[14, с. 5]**. Но в дальнейшем эмигрантов, особенно консерваторов, разочаровало желание правозащитников сохранить социалистический строй, лишь осуществив его демократизацию **[25]**.

В 1970-е – 1980-е гг. источники информации в русской диаспоре о Советском Союзе расширились. Свежие новости привозили с собой выходцы из СССР, покинувшие Родину в данный период, появились новые возможности для туристических поездок в СССР, активизировались контакты в научной, культурной, спортивной сферах. В эмигрантской прессе понятие "советская молодёжь" постепенно утрачивало монолитность и однотонность.

Журналист Н. Сперанский[2] в "Кадетской перекличке" описывал, как во время своих поездок в СССР он встречал представителей разных групп молодёжи – сталинистов и комсомольцев, "подпольщиков" и "форсовщиков". И со всеми ему удавалось выстроить диалог. По мнению автора, советская молодёжь была умнее и смекалистей западных ровесников, не воспринимала коммунистическую пропаганду и действовала наперекор советской системе. Обращаясь к старшему поколению эмиграции, молодой журналист говорил: "Вообще должен вас… порадовать тем, что, несмотря на беспощадное прививание… коммунистического мировоззрения, несмотря на экономические недостатки и охаивание западных пороков, советская молодёжь там такая же в кавычках скверная, длинноволосая, бородатая, непослушная и негодная, как и мы для вас" **[37, с. 95–96]**.

Особый акцент публицисты делали на признаках идеологического кризиса, назревавшего в советском обществе, и прежде всего, в молодёжной среде, вызванного отсутствием интереса к коммунистическим доктринам **[16, с. 74]**. Главный редактор "Нового журнала" Р. Гуль в одном из своих интервью приводил слова молодого члена КПСС, анонимно написавшего в редакцию о резком неприятии марксистских идеалов людьми его поколения в СССР: "Я поражен тем, что в эмиграции есть силы, которые нам близки по духу. Вам, конечно, странно, член партии и близость духа? Но, поверьте, что это так. Партия – это лишь мёртвый символ для нас, для молодёжи. Мы тоже люди, и добро для нас ближе, чем позолоченный труп…" **[36]**. Некоторые авторы эмиграции обращали внимание на попытках молодых людей убежать от "повседневной серости жизни" с помощью наркотиков и алкоголя **[42, с. 190–191].**

На фоне перемен в советском обществе в статьях антикоммунистов, особенно из правого лагеря, вновь воспроизводился стереотип о готовности населения страны к скорому восстанию (хотя часть представителей Белой эмиграции не поддерживала идею революции, опасаясь повторения событий, способных "залить страну кровью"). Как считало "Новое русское слово", юношество СССР, требуя либерализации режима, выбирало курс на подготовку революции, и государству приходилось сдерживать этот бунт против гегемонии КПСС **[38]**. Монархисты продолжали писать о наличии в СССР народной оппозиции, противостоявшей коммунистической власти на протяжении нескольких десятилетий **[9]**, **(ГАРФ. Ф.10143. Оп. 41. Кат. 8. Кадр 144)**. Редактор "Русской жизни" А. Соллогуб заключал: "В России идёт великий процесс отрицательного опыта и глубинного духовного оздоровления. Этот процесс замечателен тем, что во главе его идут не старики –"потенциальные противники партии и правительства", а советская молодёжь, взращенная и воспитанная коммунизмом, его "опора в превратной судьбе". Это комсомольцы поднялись против своих учителей и воспитателей" **[2]**.

Однако в эмигрантской печати встречались и противоположные мнения. Упоминавшийся выше Н. Сперанский из поездок по СССР вынес впечатление, что молодое поколение там поддерживало идею смены политического строя без применения насилия: "Они не ярые революционеры, не будут идти в штыки, не будут бросать гранаты... Но большинство людей говорят: "Почему это делать? Есть другие способы, которыми можно изменить структуру и

[2] Н. Сперанский, внук белоэмигранта из США. В 1969–1972 гг. был аспирантом Института по изучению истории и культуры СССР в Мюнхене. В это время он трижды побывал в СССР в качестве сопровождающего групп американских студентов, обучавшихся на факультете советоведения. Посетил Москву, Ленинград, Новосибирск, Ташкент и др. города.

переменить идеологию на что-то иное". И, я думаю, в этом и лежит наш путь, молодёжи этого поколения, моего поколения…" **[36, с. 95–96]**. Наиболее скептическую точку зрения выразил в интервью газете "Панорама" А.А. Зиновьев, философ и публицист, высланный из СССР в 1978 г. Он убеждал, что большинство советских молодых людей были лояльны по отношению к кремлёвскому руководству и полностью принимали идеологию коммунизма **[15, с. 8]**.

Перестройку и её лидера М.С. Горбачёва многие русские эмигранты на первых этапах восприняли с воодушевлением. С более молодым и образованным политиком, пришедшим на смену "кремлевским старцам", они связывали свои ожидания системных преобразований в СССР. Однако по мере углубления кризиса последних советских лет в эмигрантской среде росло разочарование. Русскоязычная пресса обвиняла Горбачева в нерешительности и противоречивости, приверженности коммунизму и нежелании в своих реформах дойти до ликвидации КПСС.

В 1985–1991 гг. молодёжная тема постепенно уходила на периферию обсуждаемых в печати проблем. Журналисты поздней волны эмиграции, знакомые с реалиями в СССР по собственному опыту, не выделяли молодёжь из общего контекста и не поддерживали представления о ней как о яростной антикоммунистической силе. В большей степени внимание молодому поколению продолжали уделять консервативные СМИ, однако и в них уменьшилось количество статей, посвящённых юношеству СССР. Данная тенденция объяснялась постепенным уходом из жизни старшего поколения эмигрантов, отличавшегося идеализированными представлениями о советской молодёжи.

Редактор газеты "Русская жизнь" Н.Н. Петлин, анализируя в 1987 г. письма комсомольцев в советской печати, приходил к выводу о царившей в молодёжной среде атмосфере двоедушия, полного разочарования в коммунистической идеологии, но в то же время отмечал высокую протестную активность. Он считал, что на фоне усугублявшегося в Кремле раскола между сторонниками и противниками реформ перестройки, советская молодёжь могла бы стать третьей политической силой, основанной на иной идеологии, и способной уничтожить КПСС **[29]**.

В конце 1980-х гг. многие монархисты, разочаровавшись в Горбачеве, снова делали акцент на молодом поколении в своих ожиданиях радикальных реформ и ликвидации КПСС. Они продолжали транслировать представления о юношестве как основном носителе антикоммунистических настроений в советском обществе, восторженно писали о процессах духовно-национального возрождения, особенно приветствуя живой интерес молодёжи к дореволюционной истории и православию. Л.И. Барат-Баранов высказывал уверенность в том, что возвращение к национальным традициям в дальнейшем приведет к "восстановлению единой русской, православной и свободной для всех народов России" **[8]**. Он призывал соотечественников совместными усилиями бороться с русофобией на Западе: "И вот перед нами, русскими, и в Советском Союзе, и в Зарубежье сегодня стоят серьезные задачи защищать историческое прошлое и культуру русского народа от ненависти и презрения, которые сегодня безустанно преподносятся Западу большинством публицистов…" **[7, с. 9]**.

Идею возрождения национальной и православной России с опорой на молодое поколение и создание нового демократического государства поддержала и газета "Русский голос", которая к 1990 г. в связи со сменой руководства редакции и под влиянием перемен в СССР превратилась в антикоммунистическое издание **[3]**.

Делая ставку на советскую молодёжь, представители эмиграции ставили задачу её соответствующего воспитания. Эта мысль прозвучала на Конгрессе русских американцев в 1991 г., где было принято заявление в связи с августовскими событиями в СССР: "…Чтобы поднять страну из-под обломков рухнувшей тоталитарной системы, нужны люди высокой духовности, мудрости и трудоспособности… Кроме того, стране нужны свежие молодые силы, воспитанные на основе религиозных и культурных ценностей, созданных на протяжении веков их предками, а не легкомысленные последователи разлагающих душу и разум современных веяний. Мы знаем, что в стране имеется хорошая, идейная и жертвенная молодёжь, но ей надо помочь, дать ей хорошее образование и предоставить возможность проявить свои знания и спо-

собности во всех областях хозяйственной, общественной и административной жизни" **[20]**.

Рассмотренные материалы показывают, что во второй половине XX в. русская диаспора в США не была безучастной к судьбе покинутой Родины. Но сам факт исхода из своей страны свидетельствовал о том, что основная часть эмигрантского сообщества относилась к убежденным противникам советского строя, и надежды на его крушение оставались главным "русским" политическом вопросом, активным транслятором которого выступала русскоязычная пресса в США. В этом контексте категория "советская молодёжь" в изданиях разной политической ориентации осмысливалась как потенциальная движущая сила грядущих системных преобразований в СССР. Нюансы заключались лишь в том, насколько способна она выступить в таком качестве и до каких пределов "революционности" сможет дойти.

В ходу были разные, в том числе противоположные точки зрения – и о полной подвластности советских молодых людей официальной идеологии, их неспособности самостоятельно мыслить и действовать, и о снижении "сталинского страха" репрессий, возрастании самодостаточности молодёжи, и о том, что "дети" духовно переросли своих "отцов", отвергают коммунистическую доктрину и активно готовятся к ликвидации большевизма. Последнее утверждение было наиболее свойственно антикоммунистическим газетам и журналам, особенно монархического толка. Но не чуждо оно было и социал-демократам. Издания повторяли стереотипы о противоборстве в СССР власти и народа, о зревшем восстании и отводили молодёжи ведущую роль в освобождении от "коммунистического ига". На другом полюсе мнений находились немногочисленные просоветски ориентированные журналисты, уверенные в силе и правоте советского строя и безусловной поддержке его со стороны "идейно подкованного молодого поколения". С расширением контактов между СССР и США, появлением множества новой информации о жизни советского населения, восприятие молодёжи эмигрантами становилось менее идеализированным и однобоким, но оно по-прежнему не отражало гораздо более сложной реальности.

В целом в эмигрантской среде, независимо от политической ориентации, советская молодёжь воспринималась со значительной долей абстрагирования, упрощения, искажения. Каждое из изданий рисовало лишь её отдельные черты – реальные или воображаемые. Издалека и за "железным занавесом" не просматривались многие разновекторные и многослойные процессы, характеризующие умонастроения и жизнедеятельность молодых советских граждан. С другой стороны, публицисты зарубежья видели то, что хотели видеть, продуцируя во многом мифологизированный образ молодого поколения, в котором отражали мечты своего сообщества о политическом будущем покинутого Отечества.

Литература

1. А.Б. Москва весной 1956 г. (Из письма из Европы) // Социалистический вестник. 1956. № 6 (694). С. 103–194.
2. А.С. К родным истокам // Русская жизнь. 1984. № 10356. С. 3.
3. Агафонов Е. Конец монополии коммунистов на власть?! // Русский голос. 1990. № 17949. С. 1.
4. Антошин А.В. Российские эмигранты в условиях "холодной войны": середина 1940-х - конец 1960-х гг. Москва: Изд-во Уральского гос. ун-та, 2008. 659 с.
5. Апанасенко Г. Советчина // Согласие. 1965. № 162. С. 45–47.
6. Аронсон Г. Россия после войны // Социалистический вестник. 1947. № 9 (600). С. 170–172.
7. Барат-Баранов Л. Забвению вопреки // Согласие. 1989. № 450. С. 9–12.
8. Барат-Баранов Л. Начало просветления? // Русская жизнь. 1987. № 11065. С. 3.
9. Боголюбов А. Что мы должны передать нашим детям // Кадетская перекличка. 1972. № 4. С. 82–85.
10. Всесоюзная перепись населения 1959 г. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=3 (дата обращения: 23.01.2024).
11. Всесоюзная перепись населения 1989 г. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=6 (дата обращения: 23.01.2024).
12. Ганусовский Б. Черное пятно // Россия. 1958. № 6456. С. 2.

13. Грицай В.В. Основные тенденции развития государственной политики в отношении советской молодежи и проявления неформальной культуры в её среде в первое послевоенное десятилетие // Общество и право. 2015. № 1 (51). С. 25–29.
14. Декларация освободительного движения народов России // Россия. 1967. № 7862 (312). С. 4–5.
15. Джордж У. Теория имени Зиновьева // Панорама. 1984. № 173. С. 8–9.
16. Елена С. Поездка в Советский Союз летом 1964 года // Социалистический вестник. 1965. № 4. С. 68–77.
17. Загребин В. В. Подходы к определению категории "молодёжь" // Концепт. 2014. № 2. URL: http://e-koncept.ru/2014/14030.htm (дата обращения: 29.01.2024).
18. Захаров С.М. Студенческая молодёжь в СССР: между протестной активностью и конформизмом // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 11 (49). Ч. 1. С. 90–93.
19. Зацепина О.С., Ручкин А.Б. Русские в США. Общественные организации русской эмиграции в XX–XXI вв. Нью-Йорк: RACH-C Press, 2011. 290 с.
20. Заявление Конгресса Русских Американцев в связи с августовскими событиями 1991 г. // Русская жизнь. 1991. № 12000. С. 2.
21. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. Москва: РОССПЭН, 1999. 229 с.
22. Кабузан В.М. Русские в мире. Динамика численности и расселения (1719–1989). Санкт-Петербург: Рус.-Балт. Информ. центр БЛИЦ, 1996. 347 с.
23. Козлов Д.С. Публицистика русской эмиграции о советской молодёжи. 1950–1960-е годы // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2013. № 1 (11). С. 57–69.
24. Красовский О. День Непримиримости // Русская жизнь. 1984. № 10418. С. 4.
25. Кулепанова (Шугайло) Т.С. Диссидентское движение в СССР на страницах русскоязычной печати в США во второй половине 1960-х – начале 1980-х гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 2. С. 228–237.
26. Курнаков С. Молодость Советской страны // Русский голос. 1948. № 11948. С. 2, 4.
27. Кускова Е. Далеко ли зашла большевизация русского народа? // Новое русское слово. 1958. № 16663. С. 2.
28. Муратов В. Потерянная молодёжь // Русский голос. 1969. № 16929. С. 3.
29. Н.П. Говорит советская молодёжь // Русская жизнь. 1987. № 11103. С. 3.
30. Нитобург Э.Л. Русские в США: история и судьбы, 1870–1970: этноисторический очерк. Москва: Наука, 2005. 417 с.
31. Новиков М. Университеты и демократия // Новое русское слово. 1951. № 14353. С. 2.
32. Остин А. Россия: видимость и действительность // Новый американец. 1981. № 84. С. 8–9.
33. По строкам и между строк // Новое русское слово. 1958. № 16715. С. 4.
34. Ростов А. Положительные идеалы на родине // Согласие. 1975. № 283. С. 8–10.
35. Ручкин А.Б. Создание антикоммунистического фронта русской эмиграции как проект американских спецслужб в начальный период холодной войны // Историческое обозрение. 2017. № 18. С. 34–49.
36. Сорокалетие "Нового Журнала" // Русская жизнь. 1983. № 9985. С. 6–7.
37. Сперанский Н. Впечатления о советской молодёжи // Кадетская перекличка. 1972. № 4. С. 94–96.
38. Тарле Г.Я. Российская эмиграция в 1940–50-е годы // Россия и современный мир. 1999. № 3. С. 114–115.
39. Тихонов А. Социалистическая демократия // Новое русское слово. 1969. № 20391. С. 3–4.
40. Хисамутдинов А.А. В Новом Свете или история русской диаспоры на Тихоокеанском побережье Северной Америки и Гавайских островах. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2003. 324 с.
41. Чернолуцкая Е.Н. А была ли "стагнация"? Переосмысление причин советской перестройки на Западе в 2000-е гг. // Россия и АТР. 2015. № 4 (90). С. 34–47.
42. Шпиллер Д. Быт советских людей // Новый журнал. 1977. № 127. С. 180–200.
43. Шугайло Т.С. Основные тенденции и особенности развития русскоязычной прессы в США в 1920 – перв. пол. 1970-х гг. (на примере ряда крупных изданий) // Вопросы истории Китайско-Восточной железной дороги и города Харбина (120-летие строительства): сборник научных трудов / ред. кол.: А.М. Буяков, И.К. Капран, М.Б. Сердюк. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2018. С. 169–179.

References

1. A.B. Moscow in the spring of 1956 (From a letter from Europe) // Socialist Herald. 1956. № 6 (694). P. 103–104. (In Russ.).
2. A.S. To native origins // Russian life. 1984. № 10356. P. 3. (In Russ.).

3. Agafonov E. The end of the communist monopoly on power?!// Russian voice. 1990. № 17949. P. 1. (In Russ.).
4. Antoshin A.V. Russian emigrants during the Cold War: mid-1940s – late 1960s. Moscow: Publ. house of the Ural State University, 2008. 659 p. (In Russ.).
5. Apanasenko G. Sovetchina // Agreement. 1965. № 162. P. 45–47. (In Russ.).
6. Aronson G. Russia after the war // Socialist Herald. 1947. № 9 (600). P. 170–172. (In Russ.).
7. Barat-Baranov L. Despite oblivion // Agreement. 1989. № 450. P. 9–12. (In Russ.).
8. Barat-Baranov L. The beginning of enlightenment? // Russian life. 1987. № 11065. P. 3. (In Russ.).
9. Bogolyubov A. What should we pass on to our children? // Cadet roll call. 1972. № 4. P. 82–85. (In Russ.).
10. All-Union Population Census of 1959. Available at: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=3. (accessed 23.01.2024). (In Russ.).
11. All-Union Population Census of 1989. Available at: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=6. (accessed 23.01.2024). (In Russ.).
12. Ganusovsky B. Black spot // Russia. 1958. № 6456. P. 2. (In Russ.).
13. Gritsai V.V. Main trends in the development of state policy towards Soviet youth and the manifestation of informal culture among them in the first post-war decade // Society and Law. 2015. № 1 (51). P. 25–29.
14. Declaration of the liberation movement of the peoples of Russia // Russia. 1967. № 7862 (312). P. 4–5. (In Russ.).
15. George W. The theory named after Zinoviev // Panorama. 1984. № 173. P. 8–9. (In Russ.).
16. Elena S. A trip to the Soviet Union in the summer of 1964 // Socialist Herald. 1965. № 4. P. 68–77. (In Russ.).
17. Zagrebin V. V. Approaches to defining the category "youth" // Concept. 2014. № 2. URL: http://e-koncept.ru/2014/14030.htm. (accessed 29.01.2024). (In Russ.).
18. Zakharov S.M. Student youth in the USSR: between protest activity and conformism // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. 2014. № 11 (49). Part 1. P. 90–93. (In Russ.).
19. Zatsepina O.S., Ruchkin A.B. Russians in the USA. Public organizations of Russian emigration in the XX - XXI centuries. New York: RACH-C Press, 2011. 290 p. (In Russ.).
20. Statement by the Congress of Russian Americans in connection with the events of August 1991 // Russian life. 1991. № 12000. P. 2. (In Russ.).
21. Zubkova E.Yu. Post-war Soviet society: politics and everyday life. 1945–1953. Moscow: ROSSPEN, 1999. 229 p. (In Russ.).
22. Kabuzan V.M. Russians in the world. Dynamics of population and settlement (1719–1989). Saint Petersburg: Russian-Baltic information center "Blitz", 1996. 347 p. (In Russ.).
23. Kozlov D.S. Journalism of Russian emigration about Soviet youth. 1950–1960s // Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Historical Sciences. 2013. № 1 (11). P. 57–69. (In Russ.).
24. Krasovsky O. Day of Intransigence // Russian life. 1984. № 10418. P. 4. (In Russ.).
25. Kulepanova (Shugailo) T.S. The dissident movement in the USSR on the pages of the Russian-language press in the USA in the second half of the 1960s - early 1980s // News of the Laboratory of Ancient Technologies. 2021. Vol. 17. № 2. P. 228–237. (In Russ.).
26. Kurnakov S. The youth of the Soviet country // Russian voice. 1948. № 11948. P. 2, 4. (In Russ.).
27. Kuskova E. How far has the Bolshevisation of the Russian people gone? // New Russian word. 1958. № 16663. P. 2. (In Russ.).
28. Muratov V. Lost Youth // Russian voice. 1969. № 16929. P. 3. (In Russ.).
29. N.P. Soviet youth speaks // Russian life. 1987. № 11103. P. 3. (In Russ.).
30. Nitoburg E.L. Russians in the USA: history and destinies, 1870–1970: ethnohistorical essay. Moscow: The science, 2005. 417 p. (In Russ.).
31. Novikov M. Universities and democracy // New Russian word. 1951. № 14353. P. 2. (In Russ.).
32. Austin A. Russia: appearance and reality // New American. 1981. № 84. P. 8–9. (In Russ.).
33. Along the lines and between the lines // New Russian word. 1958. № 16715. P. 4. (In Russ.).
34. Rostov A. Positive ideals at home // Agreement. 1975. № 283. P. 8–10. (In Russ.).
35. Ruchkin A.B. The creation of an anti-communist front of Russian emigration as a project of the American intelligence services in the initial period of the Cold War // Historical review. 2017. № 18. P. 34–49. (In Russ.).
36. The fortieth anniversary of the "New Journal" // Russian life. 1983. № 9985. P. 6–7. (In Russ.).
37. Speransky N. Impressions of Soviet youth // Cadet roll call. 1972. № 4, P. 94–96. (In Russ.).
38. Tarle G.Ya. Russian emigration in the 1940s–50s // Russia and the modern world. 1999. № 3. P. 114–115. (In Russ.).
39. Tikhonov A. The socialist democracy // New Russian word. 1969. № 20391. P. 3–4. (In Russ.).
40. Khisamutdinov A.A. In the New World or the history of the Russian diaspora on the Pacific coast of North America and the Hawaiian Islands. Vladivostok: Far Eastern University Publ. house, 2003. 324 p. (In Russ.).

41. Chernolutskaya E.N. Did there "Stagnation" even exist? Rethinking the reasons of Soviet Perestroika in the West in the 2000s // Russia and the Asia-Pacific. 2015. № 4 (90). P. 34–47. (In Russ.).
42. Shpiller D. Life of Soviet people // New magazine. 1977. № 127. P. 180–200. (In Russ.).
43. Shugailo T.S. Main trends and features of the development of the Russian-language press in the USA in 1920 – the first half of the 1970s. (using the example of a number of major publications) // Questions of the history of the Chinese Eastern Railway and the city of Harbin (120th anniversary of construction): collection of scientific works / ed. Col.: A.M. Buyakov, I.K. Kapran, M.B. Serdyuk. Vladivostok: Publ. house of Vladivostok State University of Economics and Service, 2018. P. 169–179. (In Russ.).

◆

Информация об авторах

Татьяна Сергеевна Кулепанова (Шугайло), лектор-экскурсовод АНО "Приморский культурно-исторический центр" (Исторический парк "Россия – Моя история"), Владивосток, Россия, e-mail: randy-t@rambler.ru

Елена Николаевна Чернолуцкая, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: chvalery@mail.ru

Information about the authors

Tatyana S. Kulepanova (Shugaylo), Lecturer-Guide, Autonomous non-commercial organization "Primorsky Cultural and Historical Center" (Historical Park "Russia – My History"), Vladivostok, Russia, e-mail: randy-t@rambler.ru

Elena N. Chernolutskaia, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: chvalery@mail.ru

Поступила в редакцию 01.06.2023 Одобрена после рецензирования 13.08.2024 Принята к публикации 28.08.2024

Received 01.06.2023 Approved 13.08.2024 Accepted 28.08.2024